

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

«Ублюдок»: потаенная поэма И. Л. Сельвинского¹

«В 1919 г. я задумал создать корону корон сонетов — “Георгий Гай”, где магистралью была бы целая корона. Такая поэма должна была бы иметь 3164 строки и обладать женскими рифмами для катренов в количестве 196, мужскими — 196, женскими для терцин — 154, мужскими для терцин — 154. Я написал было несколько первых сонетов, но вовремя одумался. Это было для меня счастьем: к концу работы я, несомненно, сошел бы с ума» [Сельвинский 1962: 135].

Приведенный отрывок из «Студии стиха» — единственное известное нам упоминание о «Георгии Гае», как в сочинениях самого Сельвинского, так и в литературе, посвященной его творчеству. Судя по цитате, короны корон сонетов никогда не существовало. Была лишь смелая задумка, которую Сельвинский толком и не пытался реализовать, «вовремя одумавшись». Утверждение Сельвинского никто не пробовал проверить, никто не задавался вопросом: действительно ли «Георгия Гая» нет, и действительно ли, если от поэмы что-то и осталось, то всего лишь пара-тройка сонетов.

Весной 2004 года рукопись поэмы была обнаружена автором настоящей заметки, в домашнем архиве Сельвинского, который хранился его падчерицей Цецилией Александровной Воскресенской, сейчас уже покойной.

Рукопись представляет собой 3 пронумерованных тетради. На обложке первой значится: «Схема. 1) Ублюдок (Георгий Гай); 2) Записки Гая», — на обложках двух остальных: «“Ублюдок”. Тетрадь I» и «“Ублюдок”. Тетрадь II». В первой тетради содержится структура, схемы, наброски поэмы, в остальных двух — уже само произведение, неоконченное. Всего написано полторы главы. В начале первой тетради стоит дата 13. XI. <1> 920 (Сельвинскому в то время 21 год); последняя датировка, которая встречается в рукописи, — 30/IV <1> 921, тогда была окончена первая глава. Первая тетрадь начинается описанием строфики: «Форма — «нимб сонетов»: корона корон, где 14 корон со-

¹ Статья подготовлена в рамках коллективного исследования «Инструменты филологического и лингвистического исследования корпуса текстов: природа, функции и компьютерное моделирование» (грант РФФИ № 06-06-80429).

нетов, а 15-я является магистральной короной, составленной из начальных строк каждого сонета. Магистраль 15-й (магистральной короны) составлен/а/из первых строк магистралей каждой короны».

Таким образом, не остается сомнений, что рукопись — именно та «несуществующая» корона корон сонетов, о которой говорится в «Студии стиха», и одно из «достоверных» и не тронутых позднейшей правкой ранних произведений Сельвинского. (Вспомним, что некоторые стихотворения сборника «Ранний Сельвинский» считаются мистификацией, а большинство своих юношеских произведений Сельвинский переписывал, как, например, поэму «Юность».) Ниже мы будем называть поэму «Ублюдок» — в соответствии с основным заглавием, указанным в рукописи.

В первой тетради Сельвинский выписывает подсчеты: «Нимб = $182 + 14 = 196$ сонетов = 2744 стиха 4-стопного ямба». Из задуманных 196 сонетов, написано 65 — треть нимба. Вряд ли их можно назвать «несколько первых сонетов». Любопытно противоречие: Сельвинский явно не хочет, чтобы о существовании «Ублюдка» знали, прячет рукопись глубоко среди бумаг, говорит об «Ублюдке», как о несуществующем произведении. Но при этом все-таки упоминает о короне корон, правда под нейтральным названием, в «Студии стиха» — в книге, которая писалась как учебник и предназначалась достаточно широкой аудитории.

Причины, по которым Сельвинский скрывал «Ублюдка», довольно очевидны: поэма посвящена прямой крымской юности, метаниям и поискам любви, она водевильна, в ней предполагалось множество эротических сцен. Понятно, что поэма была совершенно несозвучна пуританской советской эпохе. Зачем же тогда вообще оговариваться об «опасном» нимбе? Вполне возможно, дело в амбициозности Сельвинского, которому важно было признание читателей: в той части «Студии стиха», которая рассказывала о сонете и венке сонетов, ему было сложно удержаться и не сказать, что именно он замахнулся написать корону корон.

Главный герой «Ублюдка» — Георгий Гай, сперва гимназист, а потом студент. Основная его характеристика, выписанная в первой тетради: «Он пах женным копытом, ходил бесшумной поступью барса». Главные темы поэмы — юношеские попытки самоопределения, первая любовь и поиски любви вообще.

Действие разворачивается в послереволюционном Крыму и на Украине: «Революция прошла мимо нас и оставила самое худшее: глухие бухи барабана полкового оркестра, неслышного здесь».

Поэма пестрит крайностями, гипертрофированными образами начиная уже с плана, схемы произведения: «Краткая биография Гая <...> Пинкертон. Сестры — одна шансонетка в Варшаве, другая в Тверском монастыре. Отец то задаривал сладостями и глядел сквозь пальцы на грехи, то бил смертным боем за малейшую провинность и по неделям не замечал».

Гай влюбляется в Лизу Балашову: «Манто: красное в коричневую клетку с воротн/иком/а-ля Мария Стюарт. Любовная одурь. Танцы. Фетишизм: припал к манто и вдыхал запах ея крепких духов *chirge*. Папиросы с каплею одеколона». Здесь впервые появляется «дама в красном манто», которая на протяжении многих лет будет присутствовать в лирике Сельвинского.

Гай признается в любви, Лиза ему отказывает. Поэма обрывается на этом месте. Об остальном, о том, что должно было быть дальше, мы можем судить лишь по плану и наброскам в первой тетради.

После отказа Лизы Гай отправляется к проститутке: «До сих пор он обнимал борцов и гимназистов — теперь проститутку». Едет в Киев учиться, но вскоре возвращается из голодного города в Евпаторию, где влюбляется в 36-летнюю Марину Львовну, любовницу своего друга Лунина. Когда она смертельно заболевает, ухаживает за ней, как сиделка (эта сюжетная линия перешла в поздний роман «О, юность моя!»): «Он ей застегивал чулки, пена панталон. Запах кожи *сусломеп гоуал*». Пытается разлучить Марину Львовну с Луниным, задумывает его утопить, но вместо этого сам получает нервный срыв: «Гай подошел к «Дюльберу» ночью. Хлопнула дверь. Стуча каблуками, шелестя макинтошем, он зашагал. Гай за ним на лосевых сандалях. Бесшумно. Как рысь за оленем. На другой день — бури. Гай слег от нервного напряжения. Д/октор/р: перекупался».

В финале, в 14-й короне, Гай лежит в бреду. Он понимает, что любил всегда Лизу, и решает ее добиться: «Лиза, Лиза, Лиза... <...> Его предки. Скиф ли варвар, или каган-пророк в кирасе очервл/енной/? Но я ее добуду!.. Осень. Красный сентябрь».

Помимо того, что «Ублюдок» — одно из наиболее ранних произведений Сельвинского, нимб сонетов интересен и тем, что в нем сконцентрированы многие свойства, которые окажутся характерными для поэзии и прозы автора на протяжении многих лет. Создается впечатление, что «Ублюдок» — проекция, претекст всего художественного творчества Сельвинского, и в особенности его вещей конструктивистского периода. Некоторые черты тут гипертрофированы, некоторые, наоборот, в более поздних произведениях проявятся сильнее.

Не претендуя на исчерпывающее описание, перечислим некоторые из них.

Форма «Ублюдка» — корона корон сонетов — отражает тягу Сельвинского к масштабности, пристрастие к большим жанрам: поэмам, эпопеям, крупным драматическим произведениям.

«Ублюдок» написан в общей тональности Сельвинского, которой присущи яркость, избыточность, «необыкновенный жизненный напор, необычайная сочность восприятия, насыщенное чувство самой плоти жизни» (Зелинский 1925: 30). Взять хотя бы первый сонет:

Краснел сентябрь. Меж дорог
Ржавели бронзовые листья,
Багряннее и золотистей
Горя по балкам у излог.
Они звеня слетали вбок,
Опав в багровые сугробы.
В них рылся рыжеватый бобр,
Ужи переплелись в клубок.
А между сосен моря просинь
И далее сизый кругозор;
Но на заре рябила осень
Туманный матовый простор,
И мертвых водорослей плетя
По берегам тревожил ветер.

Что касается языка произведения, то в нем присутствуют все характерные свойства идиостиля Сельвинского (особенно Сельвинского-конструктивиста): частое использование окказионализмов, лексики из самых разных пластов языка, необычная звукопись. Второй и третий сонеты:

Порой жужжал в просучьях ветер,
Плыли шары вороньих гнезд;
На мелях птичьих лапок сети,
Камкб и пух резных берез.
О, время виноградных клетей
И спасских яблок и отроз,
И томных горестных соцветий
Поблекших грез... В степи покос
Отжат. И крымские кошницы,
Сползая слитками на спицы,
Рипят по пляху на восток.
Горбатый буйвол их повлек,

От пыли сизый, и жижится
В рашеп копыт навозный сок.

У золотого лукоморья.
И древле бысть — понтийский царь,
Митрид-Евпатор, в блявах моря,
Кобыл жеребых пеня ярь,
Сдёр комоня на косогоре —
И се на струж на рысей скоре
Орда распялила под жар.
С тех пор ползли тысячелетья,
И кости тавров и авар
Спаялись кровию татар,
И сас звенел, кричал базар,
Молились мертвые мечети.

Среди других важных свойств, проявившихся в «Ублюдке», можно назвать также экзотичность и автобиографизм, присутствие тем юношества, зверя, моря, подробных описаний природы. Здесь, как уже говорилось выше, впервые появляется значимый для Сельвинского образ «дамы в красном манто»:

В нем зарождался буйный гений,
Но здесь, в проулке меж пальто,
Ротонд и шуб — к ея манто,
Налитый горечью томлений,
Глотая слезы, он припал,
Целуя пуговиц опал.

Помимо изучения «Ублюдка» как претекста творчества Сельвинского, представляется важным сопоставить «Ублюдка» с «Улялаевщиной». Между двумя произведениями существуют несомненные генетические отношения. Помимо тех образов, которые из нимба сонетов переходят в эпопею («двуносый буль с профилем сифилитика, «зеленые зарницы», «махровые копыта» и пр.), их объединяет общий персонаж, Георгий Гай. В «Ублюдке» он только начинает взрослеть — «этакий мальчишка бутуз, пузырь с пахучей шейкой; быть может гений...», а в «Улялаевщине» становится комиссаром армии: «Он, всегубернский, лиллипутный Ленин, //В клочотаньи классов, рас, поколений, //Напрягая жилы, так что дергалась десна, //Не знал ни режима, ни сна» (Сельвинский 2004: 280).

Литература

- Зелинский 1925* — Зелинский К. Госплан литературы//Госплан литературы. М., 1925. С. 12–41.
- Сельвинский 1962* — Сельвинский И. Л. Студия стиха. М., 1962.
- Сельвинский 2004* — Сельвинский И. Л. Из пепла, из поэм, из сновидений. М., 2004.